

ГЛАВА 10.

В восемь вечера я пошла на станцию, чтобы встретить Чая. Он был одет в необычные полуботинки, черные брюки и черный жакет поверх белой рубашки. Когда мы сели в поезд – нас ждала десятичасовая поездка в Удон, – Чай сказал:

– Семь месяцев я не был дома. Я не видел новый дом. Не видел новую жену брата.

Его переполняли впечатления от кондиционера в нашем вагоне и от наших спальных мест. Ясно, что он не привык к отдельному пространству для каждого человека. В третьем классе обычным делом было вмещать столько людей, сколько позволяет вагон. Люди там ехали буквально как сельди в бочке.

– Твоя семья строит дом на деньги, которые ты послал им? – спросила я.

– Да. Раньше у меня была бедная семья, – сказал он. – Теперь все хорошо, потому что я посылаю деньги. Сестра тоже посылает деньги.

– Она работает в Бангкоке?

– Да, она – мамасан в массажном салоне. Мы посылаем деньги, семья строит дом.

Он, похоже, очень гордился этим.

– Кто там живет?

– Мать, отец, мой старший брат и его новая жена. Женились три месяца как. Также сын моего брата от предыдущего брака.

– Он был раньше женат?

– Четыре раза. Он был женат сначала два раза, третий и четвертый раз умудрился жениться в один месяц.

– Сколько ему лет?

– Двадцать семь.

– Новая жена заботится о сыне?

– Нет, моя мать заботится о нем. Он спит с нею и моим отцом.

– Что делает твой брат?

– Он пишет брошюру для лошадиных скачек в Удон и в Бангкоке.

Утром Чай отказался от завтрака, но был очарован официантом в галстук-бабочке, который разносил еду в каждое купе.

– Я не могу есть, – сказал он. – Мой живот... – он сделал волнообразные движения руками.

– Ты волнуешься?

Он улыбнулся и кивнул.

Мы прибыли в Удон в шесть утра. Деревня Хой была в двух часах от Убона, Чай жил по другую сторону в Удоне. И Удон и Убон были центральными городами в Исан. Дом Чаю находился с другой стороны от грунтовой дороги, там был канал, который проходил по его центру. Зеленые поля расположились по обе стороны от дороги. Гофрированный железный забор отделял их участок земли от соседей и примыкал к проволочной ограде, огораживающей рисовое поле, канал и дорогу.

– Рис! – воскликнула я. – Вы можете выращивать рис. В Убоне не было такой возможности. – Да, тут есть канал, но моя семья не выращивает рис. Нет земли. Вся округа принадлежит богатому человеку. Он скупает землю, приобретает удобрения и химию, у него трактор. Это невозможно для бедного человека.

Деревянный дом предстал перед нами. Он был в тайском стиле, стоял на сваях и выглядел совершенно новым. Чай смотрел на него с благоговением.

– Мой дом. Я купил этот дом для матери. Красивый, правда?

– Красивый, – согласилась я.

В стороне виднелись две хижины с соломенной крышей. Одна была приспособлена под кухню, но раньше это был главный дом, как сказал мне Чай. Электрический провод был подведен к дому так непрофессионально, будто его мастерил ребенок. Скопление кабелей небрежно висело под крышей, один из них шел в соседний дом через окно. Все ставни в окнах были деревянные, но не было ни стекол, ни антимоскитных сеток. Мы поднялись по крутой лестнице и увидели там мать Чаю, отца и племянника. Они сидели на террасе, которая служила гостиной и столовой. Тканые коврики покрывали только половину террасы, другая же сторона была застелена полиэтиленом, видимо для того, чтобы можно было постоянно сплевывать бетелем, который без конца жевала его мать. Улыбка, которой она одарила Чаю, показала ослепительно красные от этой жвачки зубы и десны. Пятилетний племянник сидел на ее коленях, упираясь ей в грудь. Отец сидел со скрещен-

ными ногами, в то время как мать сидела в стороне от него, как и надлежало тайским женщинам.

Чай написал им о нашем прибытии, потому что никто из его семьи не умел пользоваться телефоном.

– Садитесь, – сказал отец мне, похлопывая по циновке, расстеленной на полу.

– Принеси подушку для фаранга, – закричала кому-то внутрь дома мать.

Чай и его родители выглядели счастливыми, увидев друг друга.

– Что ты думаешь о доме? – спросил его отец с очевидной любовью к сыну.

Чай посмотрел на стены, а потом на мать, сидящую с ребенком. Он кивнул и сказал:

– Все выглядит прочным.

Семья обменялась новостями и воспоминаниями, а затем принесли фотоальбом.

– Свадьба старшего брата, – сказала мать Чаю.

В альбоме не все фотографии были правильно поставлены, поэтому нам с Чаем приходилось переворачивать альбом, чтобы лица были не вверх ногами.

Брат Чаю на данный момент работал в Бангкоке, но здесь была его двадцатидвухлетняя жена, которая принесла мне подушку. Я не знала, как правильно надо – сидеть или облокотиться на подушку. Жена брата не сидела с нами, потому что ее обязанность как сафай (законной жены) состояла в том, чтобы прислуживать.

– Принеси воду для фаранга, – снова сказала ей мать.

Через мгновение та подала мне стакан воды.

– Пуут тай кенг («Вы хорошо говорите на тайском языке»), – солгала мать мне.

Они оба с трудом понимали, что я им говорила. Чай сказал им, что я была студенткой, изучающей тайский язык. Очень скоро они оставили попытки понять меня. Отец предложил мне сигарету, спрашивая Чаю, не хочу ли я. Я замахала руками, давая понять, что я не хочу.

После рисовой еды, поданной законной женой брата, мы отскребали наши тарелки на другой стороне террасы, и шумно вели разговоры про куриц.

– Сколько всего у вас кур? – спросила я Чаю, который прыснул смехом.

– Что такое? Что я сказала?

– Куры... а ты знаешь, что это означает?

Я смотрела на этих птиц, клюющих рис, и явно не понимала, что он имеет в виду. Может, я использовала неправильно «к» или неправильный тон?

– Курицами называют шлюх, – объяснил он мне.

– О, правда?

Я запомнила эту информацию, чтобы не обсуждать куриц на Патпонге.

– Это туалет? – спросила я, показывая на хижину.

Он кивнул мне, потому что все никак не мог остановиться от смеха. Я достала свой рулон туалетной бумаги и пошла в сторону туалета.

Сортир находился на грязной насыпи, и выглядел как новый. Когда я закрыла соломенную половинку двери, то задалась вопросом, кто же проектировал эту дурацкую комнату. Хижина была длинна, а дырка располагалась прямо перед дверью, оставляя большую часть помещения пустым. Кроме того, туалет был на холме, и у всех сидящих на террасе был прекрасный вид на верхнюю часть тела человека, сидящего на корточках. Из-за соломенной полудвери я видела их всех, и это означало, что и они могли видеть меня. Я прошла дальше в хижину в поисках какой-нибудь занавески, чтобы прикрыть дверь. Найдя порванный кусок мешковины, я натянула его на крышу. С террасы раздался смех, и я подумала, что они, наверное, стали свидетелями моего косметического ремонта. Я представила, что Чай мог до сих пор смеяться из-за куриного вопроса. Ну, по крайней мере, я побаловала их весельем. Вода из бака, наполненного вручную, черпалась кувшином.

Я подумала о Джеке. Это ужасно, но мои чувства к нему напоминали чесотку, от которой сначала чесалось одно место, потом другое, потом третье.

Когда я вернулась на террасу, Чай прокомментировал:

– Ты сделала все миленько?

Его семья радостно смотрела на меня, а мать махнула рукой в сторону сортира, где висел мешок, повешенный мной. Она снова одарила меня своей ужасной красно-бетелевой улыбкой.

Днем мы отправились в музей, который находился в двух часах езды. Никто из них раньше там не бывал. Отец Чаю арендовал эвакуатор вместо автомобиля. После Убона с Хой этого можно было ожидать. Поехали все, кроме сафай, включая тетю и дядю Чаю, их двух дочерей, девятилетнюю дочь другой тети и разных соседей.

В бангкокской одежде Чай выглядел космополитом. Как и Хой, он выделялся одеждой и поведением. Он не был похож на гомосексуального мальчика из гоу-гоу клуба, скорее на обычного учтивого горожанина. Конечно же, никого со мной не познакомили, и никто не поблагодарил меня днем за обед из ресторана, который я оплатила. По пути назад, когда мы высаживали людей в разных местах, никто не повернулся ко мне сказать «до свидания», или же просто «приятно было познакомиться». Никто не прощался с родителями Чаю и с ним самим.

Вернувшись в дом, мы увидели, как работала сафай. Она занимала все пространство террасы. Наряду с мытьем посуды, она делала также массу работы по дому, включая заполнение водой бака для смыва в туалете.

– Ваша сафай упорно трудится, – прокомментировала я Чаю. – Она, кажется, делает все для всех.

Чай кивнул, как будто я сказала что-то вроде «масло масляное» и это было бессмысленно обсуждать.

Я задавалась вопросом, почему кто-то готов выходить замуж в семью, чтобы стать домашним рабом для всех по их первому зову. С другой стороны, какие еще были варианты у женщин? Работа на Патпонге, или быть «чее» – помощницами монахов, ученицами, которые не пользовались популярностью в отличие от монахов-мужчин. И монахи и чее выживали тем, что попрошайничали, прося милостыню у людей. Люди с неохотой подавали чее.

Семья снова обосновалась на террасе. Чай и я удалились в его комнату, расположенную между двумя другими спальнями. В рамках на стене висели детские картины, и Чай, казалось, был рад, как родители разложили все вещи. Он развернул тонкий матрас, который занял довольно большее пространство в комнате.

– Как твоя мать и отец занимаются сексом, ведь вместе с ними в их комнате спит племянник? – спросила я.

Иногда я поражала саму себя своими же вопросами. Чаю же вроде было все равно. Возможно, он думал, что такие вопросы были обычным делом у фарангов.

– Они не занимаются любовью, – сказал он. – Уже давно. У отца уже десять лет есть любовница.

– И как к этому относится твоя мать?

– Когда я был маленький, они дрались из-за этого, а я, видя это, плакал. Но с тех пор все изменилось. Теперь она не возражает.

– Что думает любовница отца насчет твоей матери?

– У нее есть муж.

Я была сконфужена.

– У любовницы есть собственный муж? А это не делает твоего отца пау ной (младшим мужем)?

Чай истерически захохотал, он упал на спину, катался по полу и смеялся. Затем он сел, поднял свою голову и еще немного посмеялся. Курица, туалет, и теперь вот и это — я отлично развлекала его.

– Пауп ной май мее, – заявил он. («Нет такого понятия как незначительный муж»).

Очевидно, в то время как тайские мужчины коллекционировали жен, такого понятия, как женщина, имеющая более, чем одного мужчину, просто не существовало.

Хотя начиная с 1935 года моногамия была объявлена единственным законным браком, тайские мужчины все еще регистрировали браки с несколькими женщинами. Для многобрачия не существовало никаких штрафов. Самого принца Таиланда показывали в телевизионных новостях с его младшей женой и его детьми от нее. Тайскому мужчине не нужно было дважды показывать это, чтобы понять, что к чему.

Вечером мы сидели на полу в центре холла, там, где был телевизор и единственная неоновая лампа на весь дом. Мы сидели внизу. Возле стола, да и по всему полу виднелись отклеенные куски линолеума. Шкаф с едой стоял четырьмя ножками в мисках с водой, это использовалось как превентивный метод от проникновения муравьев. В трех комнатах-спальнях не было света вообще. Сделав всю работу по дому, сафай лежала на животе в дверях своей комнаты, работая над брошюрой мужа, и напевала песенку.

– Кто-нибудь хочет немного средства от насекомых? – предложила я, распределяя благоухающее средство по коже. Воздух в комнате был насыщенным, в нем летали и прыгали разные существа. Никто не воспользовался моим средством.

Когда члены семьи принялись общаться друг с другом, слишком быстро разговаривая, я не смогла ничего понять, поэтому оставила их и решила пойти пораньше лечь спать. Закрыв на задвижку дверь, я оказалась в крошечной тьме. На ощупь найдя и надев свою длинную ночную рубашку, я опустила на пол. Весь мой мозг заполнили мысли о Джеке.

Казалось, что эта «болезнь» никак не уходит. В Бангкоке не было возможности избежать видеться с ним каждый день. Что я могла сделать? Что я хотела сделать? Я хотела быть с ним. Я не

видела его уже два дня, и отчаянно вспоминала его лицо. Ну, а почему бы и нет? Почему бы не броситься в этот омут? Почему бы не стать частью этого спектакля под названием «улицы Патпонга»?

Лежа на тонкой циновке, я могла услышать каждое слово, произнесенное отцом и племянником в комнате родителей справа от меня. Слева от меня я слышала пение сафай. Я задалась вопросом, ценят ли ее хоть кто-нибудь за то, что она сейчас делает работу мужа, переписывая брошюру. Вероятно, нет. Я слышала, как перед телевизором общались Чай и его мать. Они разговаривали тихо; их общение, по-видимому, носило скрытый характер.

Я решилась. У меня будет роман с Джеком. Но где? Могла ли я доверить ему свою квартиру со всем содержимым? Хотела ли я пойти с ним в отель на «по-быстроу»? Нет – хотя это было бы неплохо, но я так не хотела.

Я уснула с мыслями о Джеке. Так я спала и не подозревала, что над окном была розетка, в которую подключался свет для всего дома. Электрический провод проходил в дом через мое окно. Когда Чай зашел утром, чтобы отключить его, я поняла, что свет горел везде всю ночь, но никто не мог войти в мою запертую комнату.

На следующий день брат Чаю тоже приехал из Бангкока. Он не поздоровался и никак не выразил свои эмоции от встречи с женой. Тем временем семья, как обычно, сидела на террасе, а сафай по-прежнему зависала в дверном проеме, как делала это и без мужа.

– Принеси воды, – сказала ей мать.

Она тут же убежала к двухметровому глиняному чану, что был снаружи. Возле дома стояли четыре чана, которые наполнялись дождевой водой с крыши, это был единственный источник воды.

Когда мы с Чаем начали собираться в обратный путь, то узнали, что с нами в Бангкок едут также мать, отец, племянник и кузен. Они собирались остановиться у сестры Чаю. Я не на шутку испугалась, думая, что мне придется оплачивать их проезд в вагоне купе. С облегчением я увидела, что Чай купил билеты им всем в третьем классе для местных. Мы даже ехали в разных поездах. Хотя их поезд уезжал на сорок минут раньше, они должны были приехать в Бангкок на семь часов позже. Тогда как им придется сидеть в переполненном вагоне семнадцать часов, Чай и я прилегли на наши места, чтобы вздремнуть перед большим городом.